

Если бы Веттию Телоку предложили назвать свой главный недостаток, то после некоторых размышлений он, скорее всего, выбрал бы тщеславие. Чем ещё он мог объяснить причину, по которой так долго сохранял жизнь Котову и его спутникам, в результате чего они сумели сбежать в глубины Экснихлио?

На мгновение его развеселила мысль, что, не смотря на всю свою эволюцию, он по-прежнему мог стать жертвой такого смертного порока и человеческой неудачи. Острая нехватка взаимодействия с кем-то, кроме машин и рабов сделала его восприимчивым к лести и жаждающим поклонения. Он заплатил за это тщеславие рукой, которую отрубил клинок ни кого-нибудь, а воина-конструкта эльдаров!

Кто мог предположить, что эльдары придут на помощь Котову? Вероятность появления столь необычных спасителей за пределами галактики казалась настолько астрономически малой, что фактически являлась невозможной.

И всё же это произошло.

– Я должен поблагодарить вас, Лексель Котов, – произнёс Телок. – Я почти забыл нервное волнение незнания, трепет неопределённости.

Кристаллическое тело Телока мерцало пронизывающими нанотехнологиями: самовоспроизводясь, самовосстанавливаясь и постоянно развиваясь.

Отрубленная рука уже выросла, представляя собой сверкающую кристаллическую копию его металлической перчатки. Частей тела, которые ещё можно было узнать, как человеческие или машинные, осталось совсем немного – необходимая цена продолжительного существования.

Телок не испытывал никакой необходимости в человеческом лице, но сохранил его из желания быть узнаваемым после возвращения на Марс. Какой смысл в обезличенном аугметическом лице, если оно не имело никакого отношения к человеку, который отправился на идеалистические поиски легенды?

Ещё одно доказательство его тщеславия...

Зал, где он сейчас находился, представлял собой реликт, извлечённый из останков безжизненного скитальца ксеносов, который он нашёл дрейфующим в обломках на галактическом пограничье. Обнаруженные внутри существа выглядели опасными, и, как он подозревал, были запрещены их же создателями из былой эпохи.

Как типично для живых созданий изобретать оружие полного уничтожения и затем стремиться его ограничить.

Размеры помещения равнялись пятистам метрам в ширину и вдвое меньше в длину, сводчатый

потолок зала покрывали потрескавшиеся фрески, изображавшие древние войны.

На специальных помостах в дальней части зала располагались шесть напоминавших саркофаги капсул, каждая соединялась сотнями извивавшихся кабелей с тем, что можно было назвать алтарём. Телок повидал немало храмов, но всё же этот относился к временам до Эпохи Раздора, когда Механикус ещё не оказались порабощены догматическими ритуалами и бесполезными атрибутами веры.

Телок сделал это место своей личной кузней, и использовал пространство между капсулами для создания своего величайшего шедевра – механизма, позволявшего обычным энергетическим технологиям пробуждать древнее сознание в сердце Дыхания Богов.

“Громовой ястреб” Чёрных Храмовников стоял в противоположной стороне зала, куда его принесли подъёмники-кристаллиты. Корабль назывался “Барисан” и его дух-машина был воинственным и диким. Настолько агрессивным, что Телоку пришлось привязать крылья цепями к пластинам палубы и слить оставшееся топливо.

Исходящий из него бинарный код был жёстким и бескомпромиссным, но скоро это изменится.

Неоконченные проекты и экстравагантные разобранные механические безделушки лежали на многочисленных верстаках: зафиксированные тела сервиторов, которые разрезали, словно проводили вскрытие; колонии нанотехнологий за стеклом, растущие по экспоненте эволюционные скачки которых регистрировались в мельчайших деталях, а затем уничтожались непрерывными электромагнитными импульсами. Века прошли с тех пор, как Телок изучал их рост, но результаты стали частью продолжавшегося цикла сбора данных, который опирался на архитектурные модели развития инфраструктуры Экснихлио.

Кристаллические образования захватили добрую треть рабочего пространства, и Телок чувствовал, как его тело отвечало на их присутствие. Десяток пергаминовых цилиндров посреди кристаллической тюрьмы казался инородным телом. Каждый из них заполняла розовато-серая жидкость, столь же неподвижная, как застывшая смола, а покоившиеся внутри сутулые тела замерли во времени с помощью неизвестных технологий, которые сохраняли крайне неустойчивую в пространстве расу паразитов заключённой в конкретном моменте пространства-времени.

Возможно, именно это являлось его величайшим достижением, но ему из столь многих приходилось выбирать.

Телок остановился и повернулся спиной к алтарю, и пара стеклообразных механодендритов отделилась от его позвоночника. Они подключились к угловатому металлическому корпусу алтаря и Телок вздохнул от физического союза с древним археотеком.

Активационные коды зала были спрятаны глубоко в логических машинах дрейфующего скитальца, защищённые слоями нерушимого шифрования. Нерушимого шифрования по меркам той эпохи. Телок легко извлёк их, и позволил точной последовательности квантовых

уравнений загрузиться в алтарь, словно ключу скользнуть в замок.

Несмотря на прошедшие с момента их создания тысячелетия машины внутри откликнулись, и каждая из шести капсул на помостах загудела энергией. Светящиеся драгоценные огни замигали вдоль саркофагов, и струи сжатого пара вырвались из вентиляционных отдушин на каждой ребристой вершине.

Телок начал нараспев произносить имена существ, покоившихся внутри. Судя по разрушавшимся записям скитальца, их называли гончими ада, но создатели первоначально выбрали их названием группу мифических охотничьих зверей.

< Тиндалосы! > воскликнул Телок, и откидные панели открылись, а капсулы начали медленно принимать вертикальное положение. < Явитесь, призраки Стали и Духа! >

В каждой капсуле в тумане призрачных паров стали видны очертания гибких сгорбленных существ. Спящие и неактивные, они были оплетены адамантиевыми ремнями, которые сохраняли все без исключения части их тел неподвижными.

Верхняя половина существ выглядела широкой и ребристой, защищённой пластинами брони, похожими на перекрывающие друг друга лопаточные кости. Также присутствовали три пары пронизанными булькающими трубками рук с блестящими фрактальными когтями.

Ниже пояса их тела разделялись на мощные шарнирные ноги. Черепа казались удлинёнными с ужасными волчьими зазубренными зубами и выпуклыми сенсорными капсулами. Энергия текла по диким машинам, и всё же они оставались неподвижными и лишёнными жизненной искры, чтобы отправиться на охоту.

Телок протянулся глубоко в сердце Экснихлио и извлёк духов тиндалосов, шесть самых злобных и сумасшедших сущностей, которые он знал. Их сознание довели до безумия изоляция и ужасный режим удалений и восстановлений. Все шесть представляли собой хищных вирусных тварей, жаждущих только разрушения. Единственным способом избежать безудержной бойни – было держать их отдельно от тел.

Духи поднялись из глубочайших инфоусыпальниц по путям давно оставленным их благородными сородичами. Они пировали, на ходу поглощая сущности более медленных машин, которые замолкали, когда пожирали их внутренние искры. С каждым проглоченным кусочком голод сумасшедших духов становился всё сильнее, пока они не превратились в немногим больше, чем хищных инфовампиров.

Они появились обрывками света на алтаре, шесть сверкающих и потрескивающих статикой механических планетарных моделей. Подобно сложным диаграммам атомных структур, которые погрузили бы любого стороннего наблюдателя в безумие, они забили в оковах Телока.

Одного за другим Телок поместил их в бездействующие тела. Каждая металлическая посмертная маска поднялась с воющим криком, яростная статика вспыхнула в выпученных глазных датчиках неразборчивым светом и чудовищным аппетитом. Они боролись с адамантиевыми ремнями, но Телок ещё не был готов освободить их.

Сначала им нужен запах.

Как и в любом призыве, требовалось подношение.

Телок отключился от алтаря и достал два длинных сломанных куска золотистого металла. За оторванными руками архимагоса Котова тянулись длинные разорванные провода и капли вязких химических веществ инфотока.

< Испейте ваш гейс, мои призрачные гончие, > произнёс Телок, перемещаясь между непокорными существами с поднятыми золотыми руками. < Вкусите машинный запах вашей добычи, познайте её бинарное присутствие. Позвольте ему наполнить вас, позвольте ему поглотить вас. Его состав – всё, что вы жаждете. Он наполнит каждую вашу мысль голодом. Вы не вкусите иного света, не выпьете иного кода и не возжелаете иного духа. Всё остальное станет для вас ядом. Только этот запах прольётся бальзамом на муки вашей металлической плоти! >

Хлёсткие клинки-руки рассекли воздух, словно бритвы, потрескивая дугами злобной энергии. В заполненных статикой глазах тиндалосов вспыхнуло болезненное желание, сами их души звали начать охоту на добычу, бинарный аромат которой поработил всех чувства.

Мысленным импульсом Телок расцепил оковы, удерживавшие тиндалосов в капсулах. Они выпрямились: яростные и голодные, и проревели враждебный бинарный код. Фазовые когти замерцали несветом и Телок почувствовал прилив страха, когда они окружили его, словно волчья стая в последние секунды охоты.

Гейс, которым он связал тиндалосов, сделал его смертельно ядовитым для прожорливых сердец, но не пересилит ли их ненависть к нему перспективу уничтожения?

Они завyli, почуяв исходящий от “Барисана” запах Котова. Они набросились на корабль с основательностью самого прожорливого феррофага. Когти пронзили бронированные пластины и оторвали от фюзеляжа, пока они искали источник бинарного запаха добычи. Киль “Барисана” раскололся, когда вырвали крепления конструкции и начали рвать корабль на куски в яростном разрушении.

Телок усмехнулся, когда бинарные крики “Барисана” заполнили зал затянувшимся предсмертным воем машинной агонии. Некогда гордый дух умирал по частям. Его не пожрали, не поглотили, а искромсали на мелкие кусочки и швырнули в забвение.

За считанные минуты “Громовой ястреб” превратился в обломки, от его воинственного корпуса

осталось месиво изломанного металла, разорванной брони и бездушных деталей.

< Нигде не скрыться, > произнёс Телок, когда тиндалосы помчались в глубины Экснихлио, ведомые пылающей неутолимой жадой запаха Котова.

Большинство солдатских баров представляли собой шумные места, где пьяный беспорядок являлся обычным делом, как и еженощно сломанные носы. Но большинство баров не были барами кадианцев. “Плевков в Око” некогда был заброшенным ангаром для ремонта геоформерной техники, что означало наличие исправной системы насосов, чанов для хранения и открытых мест. Сотня гвардейцев в увольнительной сидели за его столами, пили, обменивались историями, чистили оружие и жаловались, что не были сейчас с полковником.

Капитан Хокинс сидел один за столиком в углу импровизированного бара, откуда открывался прекрасный вид на всё помещение, а также находился в прямой видимости вход. Лазерное ружьё он прислонил к столу, меч и вещмешок висели на брезентовых стропах на спинке стула.

Несколько его старших подчинённых некомандного состава – Ян Коллинс, Тайбард Рей – и даже комиссар по имени Васкен играли в карты со своими командирами отделений, а также Эмилем Надером и Каирн Силквуд с “Ренарда”. Обычно любого, кто не принадлежал к полку, ожидала быстрая расправа со стороны солдат, но люди Сюркуфа легко добились расположения благодаря множеству хитроумных карточных игр.

Хокинс усмехнулся. Если жизнь в Имперской гвардии и научила его чему-то, так это тому, что солдаты хватались за любую возможность развеять скуку. И, как и все солдаты, кадианцы любили карты. Он не видел, во что именно они играли, но судя по лицу Яна Коллинса, похоже, Надер выигрывал.

Он подавил желание присоединиться к ним. В отличие от него они не принадлежали к старшему командному составу. Отношения между кадианцами были менее формальными, чем во многих других полках, но Хокинс знал, что солдаты очень ценили время отдыха и понимал, что лучше не мешать им, когда они в увольнительных.

Вместо этого он сделал глоток мутного напитка из стакана с отколотыми краями. Обычно в полках его называли “трюмной выпивкой”, но у каждого технопровидца 71-го, не зависимо от пола, были свои яростно охраняемые рецептура и название. Этот принадлежал технопровидцу Рокии и назывался Шрамошайном. Крепкое пойло, которое на вкус Хокинса слегка отдавало химикатами, но что ещё ожидать от выпивки, сваренной на космическом корабле Механикус?

Несмотря на его крепость, ни один кадианец не покинет “Плевков в Око” в состоянии алкогольного отравления. Солдаты знали, как обращаться с выпивкой – и что ещё важнее – знали, что дисциплинарные последствия за похмелье не стоили мимолётной радости опьянения. Хокинс заметил несколько молодых рядовых, с удовольствием прикладывавшихся к стаканам, но также увидел старших солдат, которые посматривали за ними.

Убедившись, что его люди будут в состоянии исполнять свои обязанности после завершения

увольнительной, Хокинс переключил внимание на схемы в инфопланшете, который стоял перед ним на столе.

Ниже ватерлинии, так называли эти места каким-то старым морским термином, и не важно, как часто Хокинс изучал схемы нижних палуб “Сперанцы”, похоже их так и не удастся совместить с написанными от руки планами обороны, составленными за множество дежурств после отлёта с орбиты Гипатии.

Хокинс услышал шаги и посмотрел как раз вовремя, чтобы увидеть приближавшегося Рея. Сержант развернул стул и сел, прижав спинку к груди.

- Вы сумели разглядеть в ней хоть что-нибудь вразумительное, сэр? – спросил Рей, кивнув на планы “Сперанцы”.

- Нет, сержант, и сомневаюсь, что она когда-нибудь покажет.

- Каждая девушка должна хранить некоторые тайны ниже ватерлинии, а?

Хокинс кивнул и выключил планшет:

- Любой адепт, которого я спрашивал на эту тему, просто кивал и пичкал меня историями, что каждый корабль является уникальным и нет ничего необычного в том, что они “перестраивают” сами себя в зависимости от обстоятельств. Я имею в виду, что, похоже, они говорят об этом корабле как о живом существе.

- Если они так думают, то кто сказал, что они не правы? – заметил Рей. – В конце концов, вы же слышали, как солдаты разговаривают со снаряжением, когда промахиваются. Читают молитвы лазганам, целуют клинки.

- Верно, – согласился Хокинс, толкнув пустой стакан к Рею и указав на бутылку в центре стола.

- Что ж, не откажусь, – сказал Рей, налив немного себе.

- Так что у тебя на уме, Рей?

- Просто интересуюсь, не присоединитесь ли вы к нам в игре в “Рыцарей и плутов”, сэр, – сказал Рей. – Это – новая игра господина Надера. Было бы неплохо, если бы вы выиграли партию или две.

- Почему бы и нет, – ответил Хокинс, убирая планшет в вещмешок. – С этим я всё равно никогда не разберусь.

Собрав вещи, Хокинс последовал за Реем к столу подчинённых и подтащил стул. Как и Рей, он сначала развернул его, прежде чем сесть.

– Сэр, – приветственно кивнул Ян Коллинс. – Хорошо, что вы с нами. Этот ультрамарский мошенник скоро обчистит нас до нитки.

Эмиль Надер попытался показаться оскорблённым, но слишком много выпил, чтобы задуманное увенчалось успехом. Каирн Силквуд ухмыльнулась попытке товарища по экипажу и посмотрела прямо в глаза присевшему Хокинсу:

– Сейчас он выигрывает, – сказала она, – но ещё один напиток и он разойдётся и поставит против меня. Тогда, возможно, я позволю одному из вас обыграть его, если вы окажетесь достаточно симпатичными, чтобы оказаться в моей койке.

Даже при всём желании ни одного из мужчин за столом нельзя было назвать симпатичным. Лицо комиссара Васкена представляло собой грубый лунный пейзаж, а хмурый взгляд словно вылепили из глины ещё при рождении. Гвардеец Такос был покрыт шрамами после взрыва гранаты на Бактаре-3, Ян Коллинс был жёстким, как подошва офицером снабжения, а Рей – типичнейшим для всей галактики сержантом с толстой шеей.

Хокинс, конечно, слышал о том, что Галатея сделала с госпожой Тихон и охранником “Ренарда”. Он встречался с ними всего один раз на ужине у полковника Андерса до путешествия сквозь Шрам Ореола, но они невольно понравились ему. Магос Дахан хотел взять мостик штурмом во главе когорты скитариев, но любым намерениям отомстить положило конец распоряжение магоса Блейлока.

Возможно, компания военных успокаивала боль Надера и Силквуд или, возможно, они просто хотели напиться и забыть на время о своём горе.

Надер раздавал новую партию, пока Силквуд снова объясняла правила. Её кадианский акцент смягчился, но всё же сохранился и чем больше она выпивала, тем становился заметнее. Они сыграли несколько партий, чтобы Хокинс познакомился с правилами, которые казались достаточно простыми, но когда сыграли ещё немного, он понял, что они обладали уровнями неожиданной сложности.

К пятой партии у него почти закончились фишки для игры.

– Видите, с чем нам приходится иметь дело, сэр? – усмехнулся Рей.

– И в самом деле, вижу, – сказал Хокинс. – Похоже, нас надули.

– Мы играли на четверых, капитан, – сказал Надер, язык которого уже начинал заплетаться. – Применяются те же самые правила.

- Может и так, господин Надер, но я не могу избавиться от мысли, что вы обманываете нас, бедных солдат.

- Я? Обманываю? - усмехнулся Надер. - Никогда!

- Сэр, - произнёс Рей, кивнув на вход в "Плевок в Око". Хокинс проследил за его взглядом и увидел человека с серебристыми волосами и канидайской татуировкой, который недавно наблюдал за их тренировкой.

- Что он здесь делает? - спросил Хокинс, встав со стула, когда мужчина заметил его и вошёл внутрь. Капитан направился к бару, зная, что сержант Рей последует за ним. Эмиля Надера и Каирн Силквуд может и стали считать своими, но это не означало, что ещё кого-то ожидает радушный приём.

Мужчина добрался до бара первым и наклонился, чтобы взять из-под стойки бутылку Шрамошайна. Он откупорил её зубами и прихватил несколько стаканов, демонстративно не обращая внимания на устремлённые на него враждебные взгляды. Мускулистый капрал за стойкой потянулся за спрятанной шоковой булавой, но Хокинс махнул ему остановиться.

- Могу я предложить вам выпить, капитан? - спросил мужчина, когда Хокинс прислонился к барной стойке. Он налил себе щедрую порцию и протянул бутылку к двум пустым стаканам. - Не выдержанный амасек, конечно, но я слышал, что это можно пить.

- Кто вы и что вы здесь делаете? - спросил Хокинс, положив руку на пустые стаканы. Оказавшись вблизи, он увидел двойные шрамы на щеках и стальные разёмы на тыльной стороне шеи незваного гостя.

Экипаж титана. Несомненно.

- Выпивка только для кадианцев, - продолжил Хокинс, взяв стакан незнакомца и вылив на поднос для нечистот.

- Это было чертовски расточительно, - произнёс мужчина.

- Вы не ответили мне, - сказал Хокинс. - Кто вы?

- Вы меня не узнали?

- А должен?

- Принцепс Гуннар Винтрас, - представился мужчина, демонстративно выпятив грудь. - Также известный, как Оборотень, Охотник в Тенях.

Хокинс хмыкнул и обратился к Рею:

– Если подумать, сержант, я действительно слышал о нём. Только я не ожидал, что он ещё принцепс. Разве легио не отстранил вас, после того, как вы потеряли одного из их титанов?

Винтрас коснулся рукой шеи. Хокинс увидел зазубренный шрам, словно кто-то пытался перерезать ему горло. Оборотень нахмурился и ответил:

– Я не потерял “Амарок”, он просто... получил некоторые повреждения. В любом случае Тарентек почти уже закончил ремонт. И вряд ли я являюсь первым принцепсом, чей титан получил повреждения, поэтому я не понимаю к чему вся эта шумиха.

– Хорошо, раз мы теперь знаем, кто вы, то, возможно, вы скажете нам, зачем вы здесь, – сказал Хокинс.

– Я хочу тренироваться вместе с вами, – ответил Винтрас.

Первой мыслью Хокинса было, что он ослышался.

– Вы хотите тренироваться с нами?

– Да.

– Почему?

– Смотрите, принцепс Лют может и отстранил меня, но вы понимаете, насколько редко встречаются люди, которые обладают подходящими умственными и физическими способностями для управления титаном? Нет, не думаю, что понимаете. Скажем так: редко, очень редко. Настолько редко, что ни один легио никогда не изгонит никого из них из-за такой ерунды, как слегка поцарапанный титан. Поверьте мне, достаточно скоро легио примет меня обратно, это только вопрос времени. И когда это время настанет, я должен находиться на пике физической формы. Которого мне не видать, если я продолжу просто сидеть без дела, пить и жалеть себя.

– Вы – самоуверенный сукин сын, не так ли? – сказал Хокинс.

Винтрас усмехнулся:

– Я – пилот “Пса войны”, – произнёс он. – Чего вы ожидали?

Хокинс наклонился ближе и продолжил:

- На тот случай, если вы не заметили, вам здесь не слишком рады. Мы не пускаем посторонних в наши бары, не говоря уже о программах тренировок.

- Почему нет? - спросил Винтрас, указывая на экипаж "Ренарда". - Они - не кадианцы, но я не вижу, чтобы их вышвыривали.

- На самом деле госпожа Силквуд - кадианка, - заметил Рей. - А господин Надер, ну, в общем, он нам нравится.

- Вы хотите сказать, что я вам не нравлюсь? - напыщенно произнёс Винтрас, от чего Хокинсу захотелось проехаться кулаком по его лицу. - Вы меня даже не знаете.

- Назовём это интуицией, - сказал Хокинс. - Но если вы хотите тренироваться с нами, прекрасно, тренируйтесь.

- Сэр? - спросил Рей. - Вы уверены...

- Посмотрим, не передумает ли господин Винтрас через пару дней, - усмехнулся Хокинс. - Если он собирается соответствовать физической форме легио, ему придётся для этого как следует попотеть. Я назначаю вас ответственным, сержант Рей, так что хорошенько поработайте над ним. Вы поняли?

- Так точно, сэр, - ответил явно довольный Рей. - Отлично понял.

Расположенный под сводчатой аркой в конце трансформаторного помещения огромный грузовой лифт начал поднимать их на поверхность в закрытой ставнями железной клетке. Металлический пол кабины покрывали вмятины с пенистыми лужицами жирных миазм, вонявших многократно использованным кулинарным жиром. Павелька попробовала его и сказала Робауту, что это - остатки биосинтетических химикатов, которые используются для замедления разложения плоти сервиторов.

Робаут закрыл рот и присел на корточки, держась подальше от этих луж. Чёрные Храмовники сержанта Танны стояли в центре кабины, целясь за её пределы. Робаут услышал щелчки их внутреннего вокса и задумался, какими тактическими сценариями они могли обладать для данной ситуации.

Архимагос Котов расположился в противоположном углу, и Робаут не мог видеть его раненое тело из-за скитариев. Оставалось только предполагать, что боль сокрушённой надежды сменилась отчаянием.

Кадианцы Вена Андерса сидели у соседней стены клетки, и, похоже, совершенно спокойно воспринимали происходящее. Пара курили бак-папиросы, некоторые чистили оружие. Остальные спали.

Кабина задрожала, когда переплетённые металлические тросы переключились на расположенный выше кабельный барабан. Лифт находился слишком глубоко, чтобы его можно было поднять на одном тросе, поэтому каждые несколько сотен метров кабина с глухим лязгом храповых механизмов перемещалась на другой вал. Робаут закрыл глаза, уверенный, что древняя кабина обязательно сорвётся и рухнет в глубины Экснихлио.

– Как глубоко вы отправили нас? – спросил Робаут, посмотрев туда, где на максимально возможном расстоянии от имперцев расположились эльдары.

Бьеланна взглянула на него. Она сняла шлем, и его потрясли запавшие тени вокруг глаз ясновидицы.

– Глубоко. – Вот и всё, что она ответила.

Робаут не стал настаивать, и вместо этого начал сжимать и разжимать скользкие от пота пальцы. Он старался контролировать дыхание и посмотрел на потрескавшийся экран планшета рядом с гидравлическим регулятором лифта. Прокручивавшийся бинарный код ничего не значил для него и изменялся слишком быстро, чтобы определить последовательность.

– Они, что не могут использовать нормальные числа? – пробормотал Робаут скорее для себя, чем для кого-то ещё. – Император, сколько ещё это будет продолжаться?

– Управляющие устройства показывают, что мы начали подъём приблизительно с двадцати семи километров под поверхность планеты, – сказала Павелька. – При нашей текущей скорости потребуется чуть меньше часа, чтобы достигнуть поверхности.

Робаут медленно выдохнул. Час!

– Напоминает тренировочные уровни под каср Хольном, – усмехнулся Вен Андерс. – Такие же глубокие тёмные места. Тоннели, по которым приходилось ползти, извиваясь, словно червь, не просматриваемые повороты, трёхмерные зоны для ведения совместного огня и несколько самых мерзких спусковых ловушек, которые я когда-либо видел. Тренировочной палубе магоса Дахана до этого далеко.

– Звучит так, словно вы скучаете по ним, – сказал Робаут.

Андерс пожал плечами:

– Это были трудные времена, но хорошие времена. Мы учились сражаться с врагами Императора, так что да, я вспоминаю о тех временах с теплотой. У вас разве нет хороших воспоминаний о службе в Ультрамарской ауксии?

– Полагаю, есть, – ответил Робаут, благодарный, что воспоминания не сводились к темноте и

убегавшему воздуху. – Но тренировки в пещерах Калта не были такими... тесными.

– Вы же не о клаустрофобии, не так ли?

– У меня не так много фобий, Вен, но оказаться в ловушке в одиночестве в темноте – это то, что преследует меня в кошмарах со времён атаки адского корабля на “Наставника”.

– Понимаю, – сказал Андерс.

– И у меня такое чувство, словно я снова переживаю этот кошмар.

Андерс кивнул и оставил его в покое.

Остальная часть пути прошла в тишине или настолько близко к тишине, насколько позволял скрежет поднимавшегося лифта. Робаут понял, что путешествие близится к концу, когда Храмовники Танны заняли позиции по углам кабины. Воины Бьеланны поступили аналогично, встав так, чтобы естественно дополнять развёртывание космических десантников.

Наконец кабина вздрогнула и остановилась. Одинокий люмен замерцал, и раздвижные двери начали рывками открываться под визг заржавевших гидравлических механизмов. Резкий нефтехимический запах хлынул в грузовой лифт, вместе с клубящимся облаком макрочастиц.

Робаут закашлял и прижал руку к лицу:

– Надеюсь, что это не один из тех токсичных регионов, которые упоминал Телок?

– Содержание воздуха умеренно опасно, – согласилась Павелька, а Чёрные Храмовники тем временем выбили двери. За ними вышли эльдары, за которыми быстро последовали кاديанцы.

– Умеренно? Из уст техножреца звучит не слишком успокаивающе, – сказал Робаут, прикрыв рот рукой.

Последними вышли Котов и скитарии, и вся группа оказалась в просторном и похожем на ангар пространстве, волнистую листовую крышу которого поддерживали толстые сводчатые балки и голые железные колонны. Большую часть площади занимали огромные хранилища и рудные бункеры, соединённые сложной сетью подвесных виадуков и шипящих распределительных труб.

Гигантские рудовозы с нарисованными полосами опасности и испачканными маслом и пылью жёлтыми кузовами грохотали на перемалывающих гусеницах. Повсюду мигали предупреждающие лампы, а огромные машины, возвышавшиеся на постаментах, словно органы темплума, беспрерывно обменивались визжащим потрескивающим бинарным кодом.

Сотни сервиторов в защитных очках и имплантированными дыхательными масками медленно передвигались по ангару, перевозя тележки с сырьём в клубах вентиляционных газов. Робаут выкашлял комок мокроты, и быстро заморгал, когда глаза заслезились от едкой атмосферы.

- Вот, - сказала Павелька, вручив ему защитный капюшон со стеклянным визором, который она взяла со стойки рядом с кабиной лифта.

- Спасибо, - ответил Робаут, натягивая его на голову. Фильтрующая маска закачала несвежий многовековой воздух в лёгкие и дыхание немедленно выровнялось.

Танна повёл их через ангар, обходя работающих сервиторов и медленные рудовозы. Эльдары рассредоточились, двигаясь, словно призраки в облаках пара.

Вен Андерс подошёл к ним:

- Сколько вы говорили до этой башни универсального транслятора? - спросил он, голос прозвучал приглушённо из-за дыхательной маски шлема.

- Семьдесят три целых шесть десятых километра, - ответила Павелька.

- Тогда нам нужен транспорт, - сказал Андерс. - Думаю надо реквизировать один из этих рудовозов. Это не "Химера", но всё же лучше, чем ничего. Вы сможете управлять одной из этих штуквин?

Павелька кивнула и сказала:

- Их протоколы передвижения зафиксированы на этом месте, но сомневаюсь, что они окажутся слишком сложными для обхода.

- Тогда за дело, - произнёс Андерс. - Чем быстрее мы будем двигаться, тем больше у нас шансов опередить Телока.

Робаут и Павелька отправились вместе с кадианцами, оставив Котова и скитариев позади. Павелька забралась в кабину рудовоза, пока Чёрные Храмовники раздвигали двери ангара. Ведомые Странствующим Призраком эльдары разделились на группы по три воина и выскользнули на разведку.

Робаут последовал за ними наружу, затенив линзы капюшона от яркого разорванного штормом неба. Петли магистральных развязок сходились на широкой площади перед ангаром, также он увидел сложные системы контроля направления и комплексы разворотных площадок.

Он искал любой признак засады, но увидел только несколько сервиторов возле

трансформатора.

- Центр распределения материалов, - произнёс Котов.

- Что? - переспросил Робаут, удивлённый неожиданным появлением Котова. Архимагос повернулся и показал механодендритом на радиальные схемы нарисованных на полу линий, которые вели к равномерно расположенным многочисленным лифтам ангара.

- Этот центр связан с десятками таких же, что мы только что покинули, - объяснил Котов. - Аве Деус Механикус, масштаб достижений Телока поражает.

- Я был бы более впечатлён, если бы он не пытался нас убить, - заметил Робаут.

- Верно, - согласился Котов. - И чем больше я смотрю на этот мир, тем больше отдаю себе отчёт, какую ужасную ошибку совершил, прибыв сюда.

Робаут медленно кивнул, но ничего не сказал, понимая, что любые слова покажутся легкомысленными на фоне редкого момента искренности Котова. Вместо этого он посмотрел на промышленные пространства Экснихлио.

Небеса пылали расплавленным оранжевым светом, исчерченным загрязнениями и вредными химическими выбросами, которые выбрасывала промышленность планетарного масштаба. Далеко за горизонт во всех направлениях протянулись неровные скопления монолитных структур, аналогичные тем, что он увидел во время путешествия на кристаллическом корабле, изрыгавшие дым градирни и потрескивавшие избыточными энергиями куполообразные электростанции.

Робаут сунул руку в карман кителя и вытащил окаймлённый медью компас астронавигации.

- Поймай для меня ветер, давний друг, - произнёс он как в старые добрые времена.

Робаут не мог сказать, что стало причиной, побудившей его забрать компас из своей каюты на "Ренарде", но он являлся ничуть не худшим ориентиром в этом незнакомом мире, чем любой другой. Единственный предмет, который он забрал с обречённого "Наставника", был ненадёжным навигатором, но его стрелка безошибочно указывала на огромную башню из циклопических колонн сегментированной стали.

- Это универсальный транслятор? - спросил Робаут у Котова.

- Да.

Сооружение возвышалось над горизонтом, напоминая смутно вырисовывавшийся шпиль улья,

лёгкий смог обвивал его основание, и огромное похожее на мегафон устройство на вершине нацелилось в небеса.

Лабиринт охряных зданий, кузниц со стальными стенами и один только Император знал чего ещё лежал между ними и головокружительной необъятностью транслятора. Казалось невозможным добраться туда, потому что Телок, конечно же, предугадал их план, но разве оставался выбор?

- Не думал я, что всё так сложится, - произнёс Робаут, убирая компас в карман.

Тихий ответ Котова заглушил хриплый рёв рудовоза и ликующие крики кадианцев.

- Похоже, у нас есть транспорт, - сказал Робаут и усмехнулся, увидев, что Вен Андерс хлопнул Павельку по плечу.

Кадианский полковник высунулся из кабины, когда опустилась задняя грузовая рампа рудовоза:

- Все на борт! - крикнул он. - Эта башня сама себя не активирует!

<http://tl.rulate.ru/book/30591/659620>